

КАТЕГОРИЯ ВИДА ГЛАГОЛА: ПРОБЛЕМЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Салохитдинова Сарвиноз

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация. В статье рассматривается категория глагольного вида как одна из наиболее дискуссионных проблем современной лингвистики. Анализирует специфику видовой семантики через призму функционально-семантического подхода, уделяя особое внимание интерпретационным лакунам в традиционных грамматических теориях. Исследуется связь между аспектуальностью и внутренним временем события. Обосновывается идея о том, что вид является не просто морфологическим показателем, а сложным когнитивным механизмом структурирования темпорального опыта.

Ключевые слова: глагольный вид, аспектуальность, перфектив, имперфектив, предельность, лингвистическая концептуализация, семантическая доминанта.

Abstract. The article examines the category of verbal aspect as one of the most controversial issues in modern linguistics. The author analyzes the specifics of aspectual semantics through the lens of a functional-semantic approach, paying special attention to interpretative gaps in traditional grammatical theories. The connection between aspectuality and the internal time of an event is explored. The idea is substantiated that aspect is not just a morphological indicator, but a complex cognitive mechanism for structuring temporal experience.

Keywords: verbal aspect, aspectuality, perfective, imperfective, telicity, linguistic conceptualization, semantic dominant.

Проблема глагольного вида в лингвистической науке подобна архитектурному чертежу, который постоянно дополняется новыми деталями, но так и не находит финального воплощения. Вид — это «сердце» славянского глагола, однако его природа до сих пор остается ускользающей. Традиционное определение вида как отношения действия к его пределу лишь намечает контуры явления, но не объясняет, почему одно и то же событие может быть представлено в сознании носителя языка как завершенное целое или как бесконечный процесс. Если мы обратимся к классическим трудам, например, к идеям, изложенным в работах Ю.С. Маслова, становится очевидным, что вид — это не просто грамматическая метка. Это способ видения мира. Маслов тонко подмечал, что грамматическое значение совершенного вида (СВ) заключается в представлении действия как «неделимой точки», свернутого события, в то время как несовершенный вид (НСВ) разворачивает это событие в линию. В художественном пересказе его идей можно сказать, что СВ — это моментальный снимок (стоп-кадр), а НСВ — это кинолента, находящаяся в движении. Проблема интерпретации здесь кроется в том, что «предел» не всегда является физической точкой остановки. Это скорее психологический порог, за которым качество действия меняется на противоположное¹.

Критический взгляд на теорию «признаковости» видов позволяет заметить существенный изъян: попытка выделить один универсальный признак (будь то «результативность», «целостность» или «предельность») неизбежно сталкивается с контрпримерами. Аспектуальность представляет собой широкое поле, где морфологический вид — лишь центр, окруженный лексическими и контекстуальными средствами. В его понимании, которое можно интерпретировать как концепцию «аспектуальной среды», глагол не существует в вакууме. Его видовое значение «пропитывает» всё предложение. Мы не можем рассматривать форму «писал» отдельно от того, писал ли субъект письмо или просто предавался акту письма как состоянию. Одной из

¹ Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 74.

центральных проблем остается вопрос о «видовой паре». Являются ли формы «делать» и «сделать» формами одного слова или это разные лексические единицы? Лингвистическая традиция долгое время настаивала на чисто грамматическом характере этой оппозиции. Однако современные когнитивные исследования заставляют нас усомниться в этом. Каждый префикс, добавляемый к основе, привносит свой уникальный оттенок смысла. Русская приставка — это не просто инструмент создания вида, это «художественная кисть», которая меняет освещение всей сцены. Когда мы говорим «прочитать», мы не просто завершаем процесс «читать», мы охватываем текст как объект, полностью освоенный сознанием.

Интерпретация вида также тесно связана с понятием «внутреннего времени» глагола. В отличие от времени (тенса), которое привязывает событие к моменту речи, вид (аспект) описывает внутреннюю организацию этого события. Проблема здесь в том, что язык позволяет нам «обманывать» реальность. Мы можем представить мгновенный взрыв как длительный процесс («он долго умирал») или многолетний труд как краткий миг («он выстроил этот дом»). Это доказывает, что вид — категория субъективная, отражающая не столько физическую реальность, сколько интенцию говорящего. Категориальное значение СВ (целостность) является «сильным» членом оппозиции, в то время как НСВ — «слабым», лишенным этого признака. Но такая трактовка обедняет НСВ. На самом деле, несовершенный вид обладает своей мощной энергией — энергией актуального настоящего, повторяемости и констатации факта. В пересказе концепций функциональной грамматики, НСВ выступает как «фон», на котором разворачиваются «фигуры» совершенного вида. Без этого фона повествование превратилось бы в сухой перечень фактов, лишенный жизненного дыхания.

Трудность интерпретации усугубляется наличием так называемых «двувидовых» глаголов и глаголов *perfectiva tantum* или *imperfectiva tantum*. Они как бы сопротивляются общей системе, доказывая, что язык — это живая, самоорганизующаяся система, а не застывшая логическая схема. Почему

глагол «рухнуть» не имеет пары НСВ с тем же лексическим значением? Потому что сама семантика этого действия исключает длительность в обыденном понимании. Здесь грамматика вступает в неразрывный союз с логикой бытия. Категория вида — это не механический переключатель «завершено/не завершено». Это сложнейшая система лингвистической концептуализации, в которой пересекаются морфология, лексика и когнитивные установки субъекта. Понимание вида требует выхода за рамки узкого формализма в сторону антропоцентрической лингвистики, где глагол рассматривается как инструмент моделирования человеческого опыта во времени.

Категория вида в русском языке не ограничивается бинарной оппозицией; она ветвится, создавая сложную иерархию смыслов, которую лингвисты называют способами глагольного действия (Aktionsarten). Способы глагольного действия (СГД) представляют собой своего рода «лексико-грамматический гибрид». Как отмечал М.А. Шелякин в своих фундаментальных трудах, СГД — это не просто модификации глагола, а особые способы квантования реальности. Если вид — это «граница» события, то СГД — это его «внутренний узор» или «темп». Например, начинательный способ действия (запеть, закричать) акцентирует внимание на фазе инициации, превращая статичное состояние в динамический взрыв. Здесь кроется серьезная интерпретационная проблема: где заканчивается грамматика и начинается чистая лексика? Большинство исследователей сходятся на том, что СГД — это мост между словарем и грамматикой, демонстрирующий, как язык адаптирует универсальные категории под конкретные нужды коммуникации².

Видовое поведение глагола напрямую зависит от его семантического класса (достижения, свершения, деятельности, состояния). Интерпретация вида невозможна без учета внутренней событийной структуры глагола. Так, глаголы «достижения» (типа найти) практически несовместимы с

² Шелякин М. А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола. Таллин: Валгус, 1983. С. 45–49.

актуальнодлительным значением несовершенного вида, потому что само их значение отрицает длительность. В этом смысле вид выступает как строгий цензор, который разрешает или запрещает те или иные семантические сочетания, обеспечивая логическую связность нашей речи. Современная аспектология также сталкивается с проблемой «конкуренции видов» в определенных контекстах, особенно в прошедшем времени и императиве. Почему мы говорим «Вы не открывали окно?» (НСВ) вместо «Вы не открыли окно?» (СВ), когда нас интересует результат? Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев в своих работах блестяще анализируют эти случаи, указывая на «прагматику общефактического значения». В их интерпретации, которую можно передать как поиск коммуникативного баланса, несовершенный вид часто используется для смягчения вопроса или для того, чтобы увести фокус с результата на сам факт наличия события в прошлом. Это превращает категорию вида в мощный инструмент речевого этикета и манипуляции вниманием собеседника.

Проблема интерпретации вида в последние десятилетия вышла за пределы теоретической лингвистики в область компьютерного моделирования и искусственного интеллекта. Попытки формализовать «видовое чутье» носителя языка наталкиваются на те самые лакуны, которые обсуждали классики. Алгоритмам крайне сложно понять, почему в предложении «Он долго решал задачу и наконец решил» оба глагола описывают одну и ту же ситуацию, но с разных ракурсов. Здесь мы возвращаемся к идее о виде как о когнитивном механизме «зумирования». Совершенный вид максимально приближает нас к финалу, делая его осязаемым, тогда как несовершенный — оставляет внутри процесса, создавая эффект присутствия. Интересен и критический разбор понятия «предельности». Многие исследователи, включая В.В. Виноградова, указывали на то, что предел может быть не только внешним (физическое окончание), но и внутренним (достижение определенной интенсивности). В художественном осмыслении этой идеи можно сказать, что глагол в русском языке обладает «памятью о своем начале и предчувствием конца». Это предчувствие и формирует видовую парадигму. Например,

глаголы движения с приставками (типа прийти, уйти) не просто фиксируют перемещение, они фиксируют изменение статуса субъекта в пространстве, что делает категорию вида ключом к пониманию пространственно-временного континуума в русской языковой картине мира³.

Современные дискуссии вокруг категории вида всё чаще обращаются к диахронии. Исследователи ищут корни видовых оппозиций в древнерусских текстах, пытаясь понять, как из системы временных форм (аориста, имперфекта, перфекта) выкристаллизовалась уникальная славянская видовая система. Этот процесс можно сравнить с тем, как из множества разрозненных ручьев формируется единое русло реки. Вид стал компенсаторным механизмом: по мере упрощения системы времен, категория вида взяла на себя функции выражения тончайших темпоральных нюансов. Таким образом, научное осмысление глагольного вида сегодня — это не поиск единственно верного определения, а признание многомерности этой категории. Вид — это точка пересечения когнитивных стратегий, культурных кодов и грамматических правил. Он позволяет носителю языка не просто констатировать факты, а «дирижировать» временем, замедляя или ускоряя его ход в зависимости от коммуникативной задачи. Именно эта гибкость и неисчерпаемость делают категорию вида вечной темой для лингвистических поисков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. — М.: Языки славянских культур, 2005.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
3. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
4. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. — М.: Языки русской культуры, 1996.

³ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. С. 382.

5. Шелякин М. А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола. — Таллин: Валгус, 1983.